

ЗОРЧИЙ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

СВЕТЛАНА ГОРБАЧЬ
НАТАЛЬЯ ЛАПИНА

НОВАЯ КНИГА ЛАУРЕАТОВ
"КОРОНАЦИИ СЛОВА"

Наталья Лапина

Зодчий из преисподней

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Лапина Н.

Зодчий из преисподней / Н. Лапина — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Череда загадочных убийств ошеломила обитателей старинного дворца, построенного по проекту известного архитектора. Неужели в их жизнь вмешались мистические силы, как в английских замках с привидениями? Эту хитроумную паутину начинает распутывать энергичный и упорный детектив Кинчев. Роман поражает психологизмом и точностью социального анализа общества.

© Лапина Н.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Исповедь	5
Парень с гвоздем в груди	7
Унитаз говорит по-французски	10
Удивительный дом	14
На пепелище	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Светлана Горбань, Наталья Лапина

Зодчий из преисподней

Исповедь

Ее пальцы чуть заметно дрожали, голос прерывался:

– Мне страшно, отче, я... Я не хотела такого. Поверьте, не хотела, правда... Но я уже давно замечаю: если кто-то сделал мне плохо... Или я кому-то позавидовала... Я... С тем человеком обязательно что-то не так. Что-то страшное случается. Я предчувствую несчастья. И притягиваю их. Вызываю их против своей воли. Я не хочу... Если только подумаю о ней плохо, то – все...

– А ты, дитя мое, пробовала молиться за тех людей?

– Да. И за них, и за себя. Но... Но плохие мысли остаются, и тогда... Я боюсь. Я завидую сестре. Я... Не хочу этого, но завидую... Она младше меня, а уже выходит замуж. А когда же наступит мой черед? – нервные пальцы безжалостно мяли тонкую ткань платка, туго стягивали его на горле. – И еще... Мне нравится ее жених. Очень нравится. Я ничего не могу поделать... С собою. Почему так: все ей, всегда – ей? Красота – ей, талант – ей, жених – ей, новый дом – ей же. А мне?.. Я так не хотела их свадьбы! И сестра заболела. Свадьбу отложили. А теперь снова... Собираются... сыграть. А я... Я не хочу, чтоб они... обвенчались... И снова об этом думаю. Постоянно. Очень боюсь, что с ней еще что-то случится. Виноватой буду я...

Старый священник понимающе вздохнул:

– Ты колдовала когда? Гадала? Вызывала духов?

Она испуганно прикрыла щеки ладонями:

– Я?.. Да. Я не думала, что это так серьезно! В Петербурге ходила в спиритический кружок. Мы вызывали души умерших, ну... покойников. Но ведь этим почти все занимались... Это было не по-настоящему, как игра... Не я же одна... Я не продавала души... нечистому! Все мои подруги гадают – и ничего.

– И ты гадала? И теперь гадаешь?

– Нет! Теперь уже нет. Три года подряд на Крещение мне снился один и тот же сон... Я загадывала на будущего мужа. Ставила возле кровати на ночь тарелку с водой и клала сверху мостик. Деревянный, из щепочки. Или линейку. И снилось, будто я в большом помещении. Высокий потолок – необыкновенно высокий – далекие стены, под стенами – галереи. И мостики – будто в торговом пассаже. И он шел через мостик ко мне, навстречу, и я хотела идти к нему... Хотела его рассмотреть, и хотела с ним... встретиться. Но мостик каждый раз падал. Вместе с ним. И я понимала, что мы не встретимся никогда. Эти сны так пугали! Будто пророчества. И после этого я уже не гадала.

Девушка съезжилась. За ее спиной безмолствовал янтарный полумрак богато украшенного собора. Оплывали восковыми слезами немногочисленные свечи. Сурово смотрели смуглые лики святых. Ледяным сквозняком веяло от мозаичного пола.

Из-за колонн тихо струились вкрадчивое шарканье ног и неразборчивый шепот. Храм никогда не бывает пустым...

Казалось, что самое тихое ее слово трубят по всей Вселенной несметные полки ангелов. «Все, что говорили на ухо внутри дома, то будет провозглашено на кровлях»...

Сжимала под грудью холодные пальцы, ладони судорожно липли одна к другой – в минуту, когда земля уходила из-под ног, душа искала опоры, надежного пристанища.

– А когда гадала – крест снимала?

Она испугалась еще больше, снова схватилась за горло. И в глазах, и в голосе задрожали слезы:

– Да. Но... Но мы просто развлекались. Шутили.

– С нечистой силой не шутят...

И девушка словно решила наконец:

– На моей совести уже две смерти! Я хотела, чтобы этих людей не стало – и... Их теперь нет. Обоих... Мне невеста брата... не нравилась... Очень не нравилась... И ее брат... тоже... Он меня обидел. И оба погибли, так ужасно!

– Ты подстроила им каверзу какую?

– Нет... Нет! Только хотела, чтоб их не было... Чтоб не мешали... нам... жить...

– И не колдовала?

– Нет. Нет! Я и не умею! – подняла руки, словно защищаясь – и опустила бессильно.

Где-то далеко, в другом, счастливом мире, шел теплый дождь. И ветер шелестел мокрой, едва начавшей желтеть листвой. Рядом, за стеной. Она слышала этот шелест. И свое дыхание. Страшные темные глаза остекленело смотрели сквозь миры...

Старец грустно покачал головой.

– Они... Они не отпустят меня? Никогда?

– Кто?

– Бесы. Они не отпустят? И на том свете – тоже?

– На все воля Божия. Надейся.

– Батюшка, что мне делать?

– Молись. Молитва сильнее всех происков нечистой силы. Сходи пешком в монастырь к Козельщинской Божьей Матери. Бог милостив. Надейся. Причащайся. И – молись, молись, молись. И за нее, и за себя. Оружие против нечистой силы – пост и молитва.

Длинные тонкие пальцы с некрасивыми бугорками суставов тербли краешек кружевного платка на груди.

Далеко за окнами храма пробился сквозь толщу туч лучик осеннего солнца, и сразу несколько янтарно-желтых отблесков озарили притвор.

И сумрак отступил.

Ненадолго.

Парень с гвоздем в груди

Автостанция оказалась типичной и убогой: безликая стеклянная коробка из скрепленных металлическим каркасом серых, словно никогда не мытых огромных стекол. Два затоптанных газончика, два безнадежно осунувшихся от долгих невзгод киоска и такое же унылое и темное кафе с весьма «подходящим» названием – «Версаль».

Только снег украшает эту неживописную местность, его уже навалило порядком – по самую щиколотку.

На обозначенных лишь бордюрами платформах – несколько обтрепанных дедов и неопределенного возраста тучных баб с плотно набитыми ведрами и сумками. Отворачиваются от ветра, ругают стужу, цены, транспорт и правительство... За киоском притаились двое худеньких пацанят в коричневых пальтишках, желто-зеленых шароварах и выдавших виды кроссовках, бывших когда-то белыми. Курят, разумеется.

Ветер пронизывает до костей, редкие снежинки остро колют лицо. Но в помещение вокзала Боря Тур заходить не хочет. Похоже, там холоднее, чем на улице. Ледяные сквозняки – от бетонного пола до туманной мглы нелепого высоченного потолка. Затхлым запахом пота веет от стен и старых скамеек.

И отвратительное бахканье насквозь промерзшей металлической двери.

А он надеялся, что последняя железная дверь затворилась за ним сегодня утром. В зловещем тамбуре на проходной колонии. Сначала заскрежетали запоры сзади. Долгая-долгая пауза. И только вслед за ней заскрипела механическая задвижка перед ним.

Он не рванулся, не побежал. Задержался на какой-то миг. И двинулся вперед спокойно и уверенно. Хотя и на негнущихся деревянных ногах.

Вышел. Старательно, от всей души вдохнул воздух свободы. И направился в сторону автостанции – всего каких-то пять-шесть километров. Боря знал – куда. Хорошо помнил дорогу. Почти пять лет мысленно каждый день проходил по этому маршруту. Представлялось это – как радостное, солнечное путешествие. Мечтал о нем. Грезил им. И наконец – амнистия.

И вот – холод и мрак, и вместо радости – съездившаяся в груди тревога. И дрожание на открытой всем ветрам платформе. И от мороза – лишь плохонькая старая курточка, под засаленной на сгибах плащовкой – сбитый комками синтипон. Она давно уже превратилась в демисезонную, а о ее зимнем прошлом напоминает только заношенный воротник из искусственного меха. Черная вязаная шапочка, острый голодный взгляд, нервно напряженные плечи – каждый встречный мгновенно догадается, откуда он: два последних года XX века и три первых XXI столетия провел за решеткой.

И точно. Лишь только ткнулся к малюсенькому, глубоко погруженному в стену окошку, кассирша неприветливо уколола испуганным взглядом:

– Минут через десять-пятнадцать будет частный микроавтобус. Проходящий. В будни там всегда есть места. Но у них дорого. В полвосьмого есть еще харьковский, рейсовый. Тоже проходящий. Ждите.

Ждать он не хотел. Разница в цене показалась незначительной. Конечно, он не собирался сразу растратить последнюю копейку, но решил уехать отсюда как можно скорее. Даже если не будет свободных мест, всегда можно договориться с водителем.

Но прошло уже почти полчаса, а микроавтобуса и в помине не было. Вместо него, натужно пыхтя мотором, подъехал старенький «ПАЗик», и в него, заголовившись и немного покрячав, мирно уселись деревенские мужики и тетки со своими вечными торбами и ведрами. Дверцы со скрипом сомкнулись, и они, сопровождаемые деловитым тархтеньем мотора, отправились то ли в Пронозовку, то ли в Калатозовку – туда, где их ждут любящие

домочадцы, теплые комнаты, где они будет хозяевами жизни, а не надоедливymi гостями, как на этом Богом забытом вокзальчике.

Маленькие курильщики тоже подались домой. Стало совсем пусто.

И безжалостный гвоздь, который он носил в сердце последние несколько лет, снова начал жечь изнутри. Как всегда, когда на душе пусто, одиноко и темно... Когда вот так неотвратимо надвигается пасмурный вечер. Тучи. Вьюга. Снег. И тусклый свет из чужих промерзших окон.

Когда он, окончательно замерзнув, надумал-таки податься в убогий «Версаль», на вокзальную площадку неожиданно влетел ярко-фиолетовый микроавтобус. Он затормозил сбоку, будто не хотел иметь с этой нелепой автостанцией ничего общего.

Мягко чмокнула дверца, и к туалету неспешно зашагали несколько прилично одетых пассажиров.

Автобус оказался почти наполовину свободным, поэтому пузатый водитель сразу согласился его взять, хотя и зыркнул неодобрительно и деньги потребовал наперед.

Стоя на морозе и вьюге, он яростно рылся в каманах, отыскивая бумажник. Сердито ткнул деньги в ладонь шоферу. Долго вытряхивал из одежды и ботинок снег и лишь затем прошел в хвост салона, где диванчиком соединились четыре сиденья. Поставил возле ног почти пустую сумку.

Идиллия. Наконец. За окнами ничего не видно. Плотные стекла надежно отгородили от засыпанного серым снегом постылого городишки. Впереди звездочками мерцает экран маленького дорожного телевизора. Мягко, тепло, пахнет шоколадом, духами и мандаринами.

Уголок уютной Европы в почти сибирском холоде провинциального захолустья.

Один за другим возвращаются в автобус пассажиры. Впереди, окинув нового попутчика прокурорским взглядом, уселась упитанная дама в длинной, почти до пят, черной шубе. На ее высокую иссиня-черную прическу, в тон шубы, пошло краски и лака для волос по полкилограмма, не меньше.

А с другой стороны от прохода, немного дальше от него устроилась очень симпатичная девушка в коротенькой светлой дубленке. Сняла белый беретик и, резко тряхнув головой, от чего примятые беретом волосы пышной волной обволокли плечи, принялась священнодействовать расческой. Какие у нее длинные, светлые, шелковистые волосы! Такие должны пахнуть летним лугом... Или солнечным пляжем.

Он наблюдал за этими проявлениями обычной жизни, словно фильм из заморского быта смотрел.

Интересно, что сейчас носит Леся? Такой же беретик? Дубленку? Леся... Где ее искать?

Ударил металлическими молоточками легкая прозрачная мелодия знакомой с детства «Ночной серенады» Моцарта – и смолкла. Только пара тактов.

Пани в мехах приставила к уху крохотный мобильничек:

– Да. Да... Думаю, часа через полтора... Конечно, встречай. Как договорились. Ну, все. Целую.

Какие теперь интересные телефончики... Не то, что когда-то у Свинаренко – у того больше на милицейскую рацию походил... А он-то гордился своим приобретением! Наверное, тоже теперь тешится таким же малюсеньким. А ногти у этой павы – длинные, блестящие... Неужели настоящие? Как же она умудрилась отрастить такие? Это же, чтоб не поломать, надо сидеть, пальцы растопырив! Неужели она ими хоть что-то делает?

Расхлябанно пошатываясь и держа руки в карманах, постоял в проходе чахлый парнишка в обвислой куртке и темных очках. Вот чудак, здесь и так темно! Плюхнулся позади девушки. Что-то энергично жевал, под длинными волосами ритмично двигались уши. Левое, обращенное к Борису, украшала едва приметная дырочка – этот чувак еще и сережку иногда носит! Что-то более отвратительное для мужчины и вообразить трудно...

Мотор заурчал сильнее, уютная маршрутка мягко покатила по шоссе, покрытому едва заметной прозрачной корочкой льда. Ожил подвешенный под низким потолком телевизор. Фильм пошел с середины. Какая-то бестолковая американская комедия: «Куда ты собрался, Билл? – Не суйся в мои дела! – Что?! Я уже не имею права? – О правах пусть тебе полисмен расскажет! – Ну-ка, стой! Стой, кому говорю! – Вжжж! Жжжуу! Трах! Бах! – Ты заплатишь мне, негодяй!»

Заплатишь. Единственное умное слово в этом дурацком фильме. Кто-то должен заплатить. Обязательно.

Конкретный негодяй. В конкретном небольшом городке, мимо которого через пару часов будет проезжать этот симпатичный автобус.

Кто-то очень долго ждал расплаты.

И расплата приближалась со скоростью этой теплой благополучной маршрутки. Надо вернуть свое. Выстраданное. Желанное и праведное. Хотя и незаконное.

Он ехал получить должок. Он, Борис Тур. Жалкий хмурый изгой этого жестокого несправедливого мира. Злой парень с безжалостным гвоздем в груди.

Унитаз говорит по-французски

– Дорогуша, тебе что, нехорошо? – Кирилл Иванович Ярыжский, успешный и довольно известный бизнесмен, в конце концов добрался-таки до своего недавно приобретенного дома, уселся в кресло и, всем нутром настраиваясь на отдых, раскинул за подлокотниками руки. – Какие могут быть призраки? В наше-то время? Опомнись!

Ольга Владимировна надула губки. Совсем и не обиженно, на мужа она не обижалась никогда. Но продолжала настаивать:

– Я не хотела беспокоить тебя из-за каких-то пустяков, но... Это уже сверх моего понимания, поверь. И не первый раз. Я тоже начинаю бояться.

– Чего? – Ярыжский говорил утомленно, опустив веки так, будто не хотел смотреть на жену, нависшую над ним исключительно симпатичной, но уже немного надоедливой тучкой в начале ясно-приятного вечера. – Чего вам бояться?

– Я испытываю какой-то непонятный, мистический ужас. Не смотри на меня так. Поверь, сначала я сама смеялась над Надей, думала: это у нее нервы. Но когда услышала... Я всю ночь заснуть не могла!

– Это все твои дурехи малограмотные... Насочиняли черт знает чего, а ты веришь.

– Милый мой, у Нади высшее педагогическое образование.

– Значит, дорогуша, она дуреха с высшим педагогическим образованием.

Дуреха с высшим педагогическим образованием как раз в этот момент вошла в зал, толкая впереди себя столик-поднос на колесиках. Запахло коньяком, хорошим кофе, ароматными копченостями. Кирилл Иванович еще в прихожей велел чего-нибудь принести – перекусить с дороги именно здесь, в домашнем кинотеатре на первом этаже. Он сразу оживился, отложил в сторону пульт дистанционного управления, выпрямился в кресле и удовлетворенно потер руки:

– Надя, каких это призраков ты здесь видала?

Прислуга с педагогическим образованием Надя Щукина смущенно поправила фартушек:

– Я... Ольга Владимировна, не надо было рассказывать...

– Ты не крути, а отвечай. – Ярыжский быстро опрокинул в рот рюмочку коньяку и теперь вкусно жевал балык. – Ты... м-м-м... Прямо говори... м-м-м... Что видела...

– Я не видела, я только слышала.

– Ну?

– Ночью в туалете на втором этаже, там, где ваш кабинет, кто-то спустил воду. Тогда я была в доме одна. Я пошла наверх: вода как-то странно шумела, будто булькала. – Рассказывая, Надя постепенно переходила к выразительным учительским интонациям, а Кирилл Иванович только время от времени удовлетворенно мычал. Его жена села рядом, на диван, и теперь, слушая Щукину, они оба напоминали учеников: распушенного лентяя, почему-то одетого в приличный костюм, и внимательную отличницу, только по недоразумению наряженную в легкомысленный шелковый халатик.

– Мне слышались какие-то слова, но я не разобрала, какие именно. Никого в доме не было. Я позвонила охраннику, но он сказал, что никого не видел. Потом два дня все было тихо, а перед приходом Ольги Владимировны – снова: шум воды, потом бульканье. Я обошла весь дом, проверила все укромные места, даже подвал, – абсолютно никого! Когда закончила обход – наверху снова кто-то спустил воду. И бульканье – такое же. Будто кто-то говорит. Непонятно. Неразборчиво.

– Я тоже слышала! – всплеснула руками госпожа Ярыжская. – И вчера, и позавчера!

– М-м-м... И что же оно булькало?

– Как это – что?

– Ну, слова какие? М-м-м... Хоть что-то?

Ольга Владимировна шумно выдохнула:

– Не знаю... Мне показалось – по-французски...

Ярыжский хохотнул с полным ртом, но женщины не обратили на его сарказм никакого внимания и не обиделись.

– А мне – так будто по-английски, – прибавила Надя.

– Интересно. М-м-м... Очень интересно... Значит, итальянский унитаз разговаривает... М-м-м... По-английски... И по-французски... Это исключительно интересно... Голос какой?

– То есть как это – голос какой?

– Ну... Мужской или женский?

– Нечеловеческий! Нечеловеческий голос! Понимаешь? – всплеснула руками супруга.

Теперь он захохотал на всю комнату:

– А вы хотели, чтобы он по-человечески разговаривал? Хе-хе-хе! Ох, бабы! Может, итальянцы там робота встроили, а? Для развлечения клиентов. Может такое быть? А?

Ярыжская резко встала. Высокая, черноволосая, вся в несерьезных красно-зеленых рюшечках дорогого импортного халатика, но такая соблазнительная, просто сеху:

– Ты надо мной издеваешься?

– С чего бы это, моя дорогая? Анализирую ваши рассказы. Похоже, нужно будет наш бар запирать. От вас обеих.

– Тимофеевна тоже кое-что подметила. Не только мы.

– И что же? М-м-м...

– Кто-то ночью ходил в грязных ботинках. По всему дому.

– Ну?

– Она заметила следы, когда прибирала.

– Понятно. – Насытившись, Кирилл Иванович вытер губы салфеткой. – Она переработала и хочет прибавки. Алинка тоже видела грязные ботинки?

– Нет, в последнее время она прибирала только наверху, в левом крыле. И Тимофеевна ботинок не видела, видела только следы. В основном, на лестнице.

– А ты, Надя, следы видела?

– Нет. Тимофеевна говорит, что сразу все и прибрала.

– Скажите ей, чтобы в следующий раз позвала взглянуть.

– Уже сказала, следы она видела только один раз.

– Вещи-то хоть все целы? Кто-то, понимаешь, ходит тут, как у себя дома...

– Насчет этого не волнуйся, все на месте, – заверила Ольга Владимировна. – Нигде ничего не пропало.

– А охрана, значит, в это время спала?

– С улицы в дом точно никто войти не мог, – заступилась за молодых сторожей Надя Щукина. – В последние дни часто снег шел, во дворе никаких следов не было, только наши. Все двери я лично запираю, и потом еще раз проверю.

Ярыжский подобрел:

– А между прочим, сантехника вы не вызвали? Нашего. Может, тот хваленый итальянский унитаз еще и протекает? А?

Но Ольга Владимировна была настроена до конца поддерживать мистическую версию непонятных происшествий:

– Поверь, нечего иронизировать. Техника работает отлично. Большей частью. Днем. Сантехник не виноват, это дом... Здесь что-то нехорошее. Старые дома, поверь, всегда несут на себе отпечаток жизни бывших хозяев. Их ауру, их... Ну, не знаю. Можешь смеяться, но и академики признают, что иногда астральные тела существуют отдельно от людей. И тогда возможны любые фантастические явления. Надя, скажи ты.

Надежда взялась за ручку передвижного столика:

– Я никогда в такие вещи не верила. Но и нормальных объяснений найти не могу. Все это нелогично и нерационально. Тимофеевна говорит: призраки. Здесь и при немцах что-то такое видели и слышали. Призраки оккупантов перебили.

– Точно – призраки?

– Не знаю. Может, и партизаны.

Ярыжский засунул мизинец в левое ухо и энергично там почесал.

– Сантехник был?

– Сегодня утром, – выдохнула Ольга Владимировна.

– И вчера, и позавчера, – добавила Щукина.

– И что?

– Ничего, все исправно. Мы вместе проверяли: к Семенычу претензий нет.

– А другие унитазы? Они ж все от одной фирмы.

– Другие работают, как часы.

– Как часы, хе-хе, – Ярыжский встал и похлопал себя по добротному животу:

– Ну, хорошо. Я теперь дома чаще буду бывать, по крайней мере, ночевать обязательно постараюсь. Может, тоже что-то услышу. На итальянском, хе-хе.

В этот момент на втором этаже громынуло.

Кирилл Иванович первым выскочил из зала и бросился наверх, больно стукнувшись коленом о большой низкий стол и едва не перевернув столик на колесах. Еще на лестнице услышал: кто-то спускает воду. В его личном туалете! Куда войти можно только через кабинет!

Влетел туда запыхавшийся, сердитый.

Никого.

Спрятанный в бордовокафельной стене бачок с шумом наполнялся водой. В долгом бульканье время от времени довольно явственно можно было разобрать отдельные слова: «...шой вред... преступни... государ...»

– Ну, что я говорила! – победоносно появилась за его спиной Ольга Владимировна. – Посмотри в библиотеке – стул упал. И лежит. И никого! Ну? Понял теперь?

Муж отстранил ее с дороги одной рукой, будто неодушевленный предмет, и решительным шагом направился в домашнюю библиотеку, расположенную рядом, за стеной кабинета.

Стул лежал прямо на проходе, будто кто-то уронил его в спешке. Замечательный стул, новый, с обитой шелком овальной спинкой и гнутыми ножками. Сделанный на заказ по чертежам модного дизайнера. В стиле ампир.

Хозяин обвел помещение бешеным взглядом:

– Ну... Стерва! Попадись только! Капец будет! На хрена мне это надо!

И полез в карман за телефоном – вызывать охранника.

Пока он, торопливо маршируя по лестницам и комнатам и визуально обследуя их, по мобильному приказывал сторожу еще раз обойти вокруг дома и осмотреть следы, экономка подняла и поставила на место стул. Подровняла несколько книг, корешки которых небрежно высунулись из аккуратного строя. Сняла с большого декоративного глобуса криво прилепленный кем-то бледно-зеленый стикер. На нем небрежным почерком было написано: «*Мир огромен, но ты не спрячешься нигде*». Надя сравнила листочек с теми, что, склеенные между собой, лежали возле компьютера: да, отсюда. И, похоже, писали этой ручкой, которую забыли вернуть в подставку. Она спрятала стикер в карман фартука и задумалась. Потом медленно вышла в зал и неторопливо стала спускаться к кухне.

Ярыжский уже закончил свой торопливый обход и, остановившись в столовой, тихо спросил вошедшую следом супругу:

– Ты уверена, что это не шуточки кого-то из obsługi?

Она развела руками:

– Но никого ж поблизости не было.

- А Алинка где?
- Я ее сегодня пораньше отпустила. У ее какого-то приятеля день рождения.
- Ты приглядывай за ними... Не нравится мне все это.
- А мне больше, чем не нравится. Мне страшно.

За окном громко и зловеще каркнула ворона. Упал с ветки большой комок тяжелого мокрого снега. Но заметила это лишь Надя Щукина, выглянувшая из окна огромной кухни, набитой новейшей бытовой техникой. Она рассеянно сказала Тимофеевне, отдыхавшей за чаем после праведных уборщичьих трудов:

- Первый раз сегодня днем...
- Чего?
- Сегодня это случилось днем. С унитазом.
- Говорила я: драпать отсюда нужно. И не оглядываться!
- Куда? – Щукина отошла от окна и начала мыть тарелочки и чашку.
- А где платят хоть и меньше, зато жизнь спокойнее. – Старуха Тимофеевна широко расставила гудящие от усталости ноги и не спешила идти домой.
- Карр! – громко согласилась с ней ворона за окном.
- Карр! Карр! – отозвались с разных сторон ее сородичи.

Надя вздохнула:

- Мне дочь учить надо... Сама знаешь, за каждую копейку воевать приходится.

Вороны взлетели дружной шумной стаей и закружили над парком, зловещее карканье наполнило дрожью холодный зимний воздух.

Удивительный дом

Ольга Владимировна Ярыжская, женщина разумная, просвещенная и выдавшая виды, в прошлом – экскурсовод, потом директор музея, не ошибалась. Старый дом, который они с мужем приобрели совсем недавно и уже заканчивали ремонтировать, нес на себе клеймо таинственности с самого начала своего существования.

В связи с тем, что дом, точнее, особняк, – будет одним из главных героев нашего повествования о страшных и трагических событиях, сначала познакомимся с ним в пределах основных анкетных данных.

Видовое название – неопределенное. По документам – особняк, но называют его все по-разному. Чаще всего – просто дом, иногда – вилла, а то и дворец. Все эти названия к данному строению подходят. Сидят, как влитые.

Год рождения – еще одна загадка. Фундамент заложен еще то ли в XVII, то ли в XVIII веке. Дом на нем стоял в полной сохранности до начала XX столетия. Полностью перестроен на том же месте и снова сдан в эксплуатацию в 1914 году.

Происхождение – невыясненное. Последние дореволюционные владельцы – помещики Барвиненко – известные сахарозаводчики, коллекционеры и меценаты. Люди неординарные, энергичные и даже по-своему загадочные. Гордились козацким происхождением, а жен брали исключительно из родовитых великороссов. Щеголяли научным мировоззрением, но денег на возведение храмов не жалели. Обожали высокое искусство, любили приглашать к себе артистов и художников, но большую часть своей энергии направляли на приумножение и без того огромного состояния.

Предназначение – свадебный подарок младшей дочери. Которая так и не стала полно-властной хозяйкой этого дворца.

Окружение – старинный лиственный парк, по неведомым причинам вырубленный в первые годы XX века и засаженный хвойными деревьями редких, экзотических пород.

Создатель проекта – прославленный архитектор Владислав Городецкий, непосредственный исполнитель – его ученик и по стечению обстоятельств – жених хозяйской дочери Григорий Василай, человек происхождения темного и незнатного. Чертежи, документы – не сохранились.

Итак, перестроили дом (дворец, особняк, виллу) в начале XX века. Но уже с самого новоселья жизнь здесь не заладилась. Загадочные несчастья и кровавые драмы преследовали сначала хозяев дома, а потом и руководителей учебного заведения, которое разместилось в этих стенах в первые годы советской власти. После войны в дивом уцелевшем дворце устроили сначала санаторий, который из года в год постепенно приходил в упадок, а потом – краеведческий музей, почти не известный за пределами небольшого района.

Все изменилось, как от взмаха волшебной палочки, когда из рук вялого восьмидесятилетнего старца директорская власть перешла к жене новоприбывшего бизнесмена Ярыжского. Она вмиг на основании безоговорочных цифр и фактов, с документами в руках доказала местным властям, что содержать неизвестно для чего за счет государственного бюджета такое большое сооружение – невыгодно, и в считанные дни приватизировала дом. Цена, заплаченная за него в бюджет, осталась для всех жителей городка тайной за семью печатями.

И уже после этой скоропостижной продажи у жителей райцентра будто глаза вдруг открылись: да это же неповторимый, уникальный дворец! Ведь построили его по проекту знаменитейшего архитектора Городецкого, да и репрессированные бывшие владельцы, как теперь выяснилось, были гордостью нации, потомками старинного казацкого рода, в придачу еще и учеными, чей вклад в отечественную и мировую науку раньше бессовестно замалчивался.

Да и признайтесь, где вы еще увидите дом, так смело спроектированный и украшенный? Основной корпус – двухэтажный, а с обеих сторон от входа его окружают, будто крылья чайки, многооконные пристройки, делаая рельефный фасад чрезвычайно выпуклым и выразительным. Симметрию, соблюденную во всем с античной точностью, нарушает островерхая башенка со шпилем, неожиданно очутившаяся на крыше по правую сторону от центрального входа. А высокие и узкие окна! А причудливые узоры и зубчатое обрамление стен! А мозаичный пол зала на первом этаже! Кое-кто из специалистов говорил, что этой замысловатой вязью зашифрованы древние мусульманские письма. А роскошная мраморно-чугунная лестница в середине! Кружева – да и только! Шедевр эпохи модерна!

Конечно, за долгие годы бесхозия кудато бесследно стинули не только бронзовые светильники (с самого начала здесь было электрическое освещение), но и декорировавшие печи поливная керамика и майоликовая плитка. Зато на лестнице внутри здания хорошо сохранился крымский мрамор. И эффектные оконные рамы, и даже каменная арка при въезде, и чугунная ограда вокруг парка – местами.

Дом не просто удачно вписался в окружающий ландшафт, он был и остался самым необходимым элементом гармоничной картины всего района. Сельскохозяйственного, вся промышленность которого сконцентрировалась в Барвинковцах – сахарный и молочный заводы, мясоперерабатывающий комбинат. Недавно сюда пришел и новый бизнес в лице Ярыжского. Он заправлял теперь мясными делами и весьма пристально интересовался делами сахарными и молочными, уже почти организовал за городом, в старых конюшнях, розлив столовой воды в пластиковые бутылки.

Местные колодцы всегда славились своей чистой водой. А те, что поближе к описываемому дому, – еще и целебной. Недаром в старые времена ею интересовались известнейшие врачи. И не только они.

Старожилы рассказывали, что в доме Барвиненко успели погостить да попить замечательной водички и поэтесса Леся Украинка, и артистка Мария Заньковецкая, и художник Мурашко, и академики Чижевский, Вернадский и Крымский, что здесь звучали волшебные голоса Соломии Крушельницкой и Анастасии Вяльцевой. Конечно, это скорее всего легенда, потому что Леся Украинка, как известно, умерла в год начала капитальной перестройки этого дома, но дыма без огня не бывает, известные люди не объезжали Барвинковцы стороной. По крайней мере, групповой портрет семьи Барвиненко, написанный кистью неповторимого и еще до конца не разгаданного Мурашко, сохранился и до сих пор украшает зал на втором этаже вместе со многими другими картинами, стоимость которых определяла комиссия, почти три дня пьянствовавшая за счет Ярыжского. И, конечно же, вынесла вердикт, что ни художественной, ни исторической ценности они не имеют.

И разве не чудо, что во всех войнах, революциях и других бурных событиях уцелела богатейшая музейная библиотека, состоящая большей частью из огромных старинных книг в кожаных переплетах с серебряным и золотым тиснением, которые знатоки называют фолиантами? Это вам не покетбуки для чтения в тесноте городского общественного транспорта! Представьте только: ностальгический зимний вечер, вы берете обеими руками (обеими, иначе не поднять!) увесистый том, с пожелтевшими страницами, с ископаемым ятем в словах, садитесь в мягкое кресло возле камина, зажигаете свечи... Ну, пусть и не свечи, просто придвигаете поближе торшер – так даже лучше, и погружаетесь в милый невозвратный мир. Выключенный телевизор не напоминает о мерцании быстротечных событий, время течет медленно, спокойно, оно над вами почти не властно, наоборот: это вы стали властителями времени – перенеслись в иную эпоху и будете пребывать там, сколько захотите сами.

Однако согласитесь: такие заманчивые перспективы – не для толпы шумных бестактных посетителей музея, а для благородных и культурных хозяев шикарного дворца. Дом должен иметь именно таких хозяев.

И вот они появились.

Окруженные охраной и прислугой. Правда, только что нанятой и ненадежной. Это вам не старинный английский замок, где почти не бывает случайных людей. Тут все – случайные и подозрительные.

На пепелище

Восемь вечера зимой – это уже самая настоящая ночь. В особенности в провинциальном городке, где давно и прочно забыли, что такое уличное освещение. Да и существовало ли оно когда-нибудь?

Ветер, вьюга, тьма. Одинокие темные фигуры – все спешат куда-то в боковые улочки.

Однако Борис Тур и тут не растерялся – он знал, куда идти. И шел, бодро поскрипывая свежим снегом.

Но вдруг замер на месте. Сквозь мерцание мелкой метели разглядел: что-то не так со Свинаренкиным продуктовым магазином. Ни огонька, ни искорки, и даже крылечко превратилось в сугроб.

Он не поленился перейти на противоположную сторону улицы, подойти ближе. Окна без стекол, покрытые сажей стены. Когда же магазин сгорел? Судя по запаху – не так, чтоб уж очень давно. И не дотла, вполне можно отремонтировать.

Борис заторопился в центр, к знакомому универмагу. Увидел издалека – еще работает. Однако, едва переступив порог, услышал грозное предупреждение визгливого голоса:

– Назад! Назад! Мы уже закрываемся!

Молодая девушка, новенькая, Боря видел ее впервые.

Прошел мимо, тихонько буркнув:

– Я быстро.

В нос сразу же ностальгически ударил неистребимый запах пряностей. Интерьер внутри почти не изменился, а вот ассортимент товаров значительно расширился. Похоже, и качество также. Поменяли местами отделы. У продавщиц – новые одинаковые халаты с белыми воротничками. Атласные, темно-зеленые.

– Боря? Борис, это ты? Господи!

Засмотрелся на халат и не узнал было Тосю Шишлянникову, женщину младшего балетного возраста, но внешне еще даже очень ничего – по провинциальным меркам.

– Боже, глазам своим не верю!

Тур скривился:

– Что, вроде призрака из могилы?

– Н-нет. Просто не ожидала. – Тося наконец приветливо улыбнулась. И по-матерински вздохнула: – Тебя отпустили или сбежал?

– А вы как думаете, тетя Тося? А?

– Я не думаю, я просто рада тебя видеть.

Она ловко протиснулась между двумя витринами-холодильниками – с колбасой и молочными продуктами:

– Дай-ка я обниму тебя, бандита...

Расчувствовавшийся Боря обнялся с Шишлянниковой. Потом она окинула взглядом его более чем скромную экипировку:

– Ты насовсем – или как?

– Или как. Тянет преступника на место преступления. – Борис обрадовался бывшей сотруднице, будто родню встретил. Но добавил сурово: – Короче, дело есть к Свинаренке. Кирилле Ивановичу.

– А его и след простыл! – Знакомо пробасил мощный и сильный голос. Это подошла и Глафира Петровна, ветеран советской торговли, массивная, крепкая и непоколебимая, настоящий монумент за прилавком. – Мы все так сразу и поняли, что он тебя подставил, Борька. Чтоб такой парень – и воровал? А он – свинюка еще та. Убедились на личном примере. Все – и на все сто! Процентом.

- И где ж он сейчас?
- Уехал! Только и видели!
- А бизнес? У него ж тут не один магазин был.
- Распродал.

Тося не могла допустить, чтобы главные новости сообщил кто-то другой и решительно добавила:

– Распродав вообще все. Дочиста. Сразу после того, как тебя засадил. И универмаг этот, и кооператив, и магазины – все продал. Говорил, ты ему все дела подорвал, разорил вконец. Тот еще брехун! Как теперь открылось, он нигде не продешевил. А нам зарплату за полгода так никто и не вернул. Чтоб ему пусто было!

– И куда ж он подался?

– Нам не докладывал. Уехал – и концы в воду, сам знаешь, – Тося Шишлянникова ехидно улыбнулась и хмыкнула, словно получала удовольствие, сообщая плохие новости.

Борис помрачнел:

- Может, хоть кто-то знает?
- Кто-то, может, и знает, да молчит.
- Молчать-то себе дороже, то есть я хотела сказать...
- Вот именно, промолчишь – целее будешь.
- Сам знаешь, у нас городок маленький, если трое знают, то знает и свинья. Я не Свино-ренко имела в виду, конечно, а всех вообще.

Женщины говорили чуть не одновременно. Боря грубовато перебил:

- А тот магазинчик, что напротив районной аптеки, он давно сгорел?
- А, продуктовый! Да нет, с месяц, не больше. Его же Луцик-младший купил. И все не везет ему, бедолаге: то в аварию попал, то обворовали, теперь вот – поджог.
- Он бы меньше за чужими женами бегал!
- А ты, Тоська, не смешивай все в кучу. Одно дело – бизнес, а личная жизнь – это другое. Шишлянникова лишь выразительно хмыкнула.

Сбоку донесся пронзительный голос молодой продавщицы, которую Борис встретил еще на пороге:

– Скупайтесь скорее, закрываем уже! Некогда харчами перебирать!

Ей ответил наглый фальцет:

– Расслабься, зайка, и не спеши. А то споткнешься! – это был попутчик Бориса из автобуса, чахлый парнишка, даже вечером не снявший темных очков. Снова жевал, а в ушах ритмично покачивались наушнички от плеера. И наглости еще прибавилось:

- Из чего тут у вас выбирать? Два сорта сыра, три – колбасы? Да и те – позавчерашние?
- Не нравится – не берите! – бойко парировала молодая продавщица.
- Ты, красавица, еще с отделом защиты прав потребителей дела не имела? Устрою. Кстати, разговор наш записываю, – ехидно улыбаясь, он показал рукой на свой плеер.
- Анька, не дури, – не выдержала Тося, – обслужи молодого человека, как следует!
- Да улыбнись и глазки сострой, – прогудела, не двигаясь с места, Глафира Петровна, – будешь парням грубить – навеки в девках останешься!

Боря Тур почесал подбородок:

- Ладно, бывайте. И правда, уже закрывать пора.
- Куда ж ты теперь?
- Пойду, знакомых проведаю.
- Стой, если ты к Леське...
- Я знаю, что ее здесь нет.
- А куда подалась, знаешь? – вкрадчиво спросила Глафира Петровна.
- На заработки?

– Да уж, заработки там – не позавидуешь. – Тося поджала губы, а ее коллега прямо вскипела от праведного гнева:

– В бордель их всех наш Свиноаренко упек! Всем ансамблем! Петь да танцевать, говорит, в Турцию поедете. А там их всех в бордель и отправили! – Глафире Петровне явно нравилось четко выговаривать это манящее нездешней жутью слово – «бордель». Тур оцепенело молчал, и она перешла к аргументации: – Анжелка Ляшенчихина сбежала по дороге – такое рассказывала, такое, что – ну!

– Да уж, – подхватила Тося, – паспорт #225; у них сразу за границей отобрали, как только таможенню проехали. Клиентов, говорят, будете обслуживать! Сами понимаете – как. А кто откажется – секир башка! И концы – в воду! Вот как она рассказывала.

– А где она сейчас?

– Анжела? В область перебралась, конечно. И родители за нею собираются. Кто ж здесь будет оставаться, если каждый в нее пальцем тычет? А девушка-то и не виновата.

– Ой, не говорите мне про невинность! – с едкой иронией покачала головой Тося. – Она, что, газет не читала? Не знала, зачем в Турции наши девки нужны?

– Здрасьте! Их же петь приглашали. И танцевать.

– А они уши-то и развесили! Как же, нужны там такие артистки! Не понятно что ли, там же танцовщицами проституток называют.

Борис почувствовал, как у него под шапкой зашевелились коротко остриженные волосы. Он прочистил горло и спросил по-зековски хрипловато:

– И что? С Лесей? Где она?

– Кто ж знает? Поехала – и нету. У других девчат и родители есть, а найти не могут. И в суд подавали, и в милицию обращались. Ищут! А она сиротой осталась, кто ж ее искал бы?

– В борделе? – голос Бори Тура стал таким хриплым, что женщины смолкли и опустили глаза.

– Все, закрыто! Нечего уже! – надрывалась у входа пронзительная молодуха. – Завтра! Нам сегодня еще кассу сдавать!

...Опомнился Борис уже на улице.

Он давно подозревал, что с Лесей что-то не так. Когда она внезапно писать перестала. Но бордель... Турция... Ну и подлец же Свиноаренко! Всех киданул, со всех сторон... подлец...

Ноги механически шагали вперед, в сторону улочки, грезившейся в каждом тюремном сне. Снег кружил перед глазами. Мерещились Лесины глаза в белой кисее паранджи. Тю, паранджа черная!

Черная.

Чернеют окна знакомого дома, закрытые покосившимися ставнями.

Двор замело снегом – ни тропинки, ни следа.

А он на что надеялся?

Повернул к единственной в городке гостинице и чуть не столкнулся с монументальной теткой Глафирой.

– Я так и знала, что сюда пойдешь. Слушай меня, – она приблизила свое лицо вплотную к его уху и зашептала: – Конечно, мое дело – десятое, но говорят, что Свиноаренко теперь в Барвинковцах, чуть не полрайона там скупил...

– Барвинковцы? Где это?

Она прошептала несколько слов ему в самое ухо и прибавила погромче:

– Ты ж смотри там, остороженько. Семка Разгильдяй ездил, хотел про свою Галю узнать, вернулся сам не свой. Это страшные люди! Смотри! Он там в большой силе, авторитетным человеком стал. Берегись! Но запомни: я тебе ничего не говорила. Ну, бывай! Счастливо! – И исчезла во тьме, растворилась, как призрак.

Холодный безлюдный переулок. Покинутый дом.

Будто весь этот разговор приснился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.